

STUDIA CULTURAE

А. А. ДОБЫКИНА

Аспирантка (Научный руководитель проф. В. В. Прозерский)

Санкт-Петербургский государственный университет

**ЛИКВИДАЦИЯ БРЕСТ-ЛИТОВСКОЙ УНИИ В 1839 г.
И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО СОБЫТИЯ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
БЕЛОРУССКОГО НАРОДА**

Статья посвящена истории ликвидации униатской церкви в первой трети XIX века на территории современной Белоруссии. Показано, что прекращение Брест-литовской унии 1596 г. произошло по инициативе правительства Российской империи, обеспокоенного растущим влиянием Римско-католической церкви и западной культуры. Запрещение униатов определило вектор геополитического развития Белоруссии, сыграло важную роль в становлении этнокультурной идентификации.

Наше исследование посвящено истории воссоединения униатской церкви с русской православной в 1839 году. Уже первое знакомство с материалом показало, насколько актуальна эта тема. Событие 1839 года стало поворотным в истории белорусского народа и определило его дальнейшее культурное развитие. Споры по поводу униатства не утихают до сих пор. Выражаются противоположные оценки Брестской унии 1596 г. и ее ликвидации в 1839 г. Проблема унии до сих пор служит камнем преткновения в диалоге между католиками и православными; отношение к ней является своего рода лакмусовой бумажкой для определения позиции религиозных деятелей, ученых и политиков.

Положение, в которое народы, исповедующие униатство, попали к моменту объединения, складывалось долгие годы, правильнее говорить даже не о десятилетиях, а о столетиях. Белорусские и западно-украинские земли, где разворачивались события 1839 года, входили в состав Польши, Великого княжества Литовского и Российской империи. Каждое из государств реализовывало свои политические, культурные и религиозные задачи. Земли будущей Белоруссии стали местом сражения между Россией и Польшей, православием и католицизмом, и от того, кто выиграет в противоборстве, зависела культурно-историческая судьба белорусского народа. В результате сложилось полиэтничное и поликонфессиональное общество, где господа и слуги, соседи, члены одной семьи принадлежали к различным национальностям и вероисповедованиям. Ситуация располагала к конфликтам, всегда находились недовольные, дискриминируемые группы, проливалась кровь. Мартирологи пополнялись именами умерших за веру (православных, униатов, католиков). Конфессиональные споры решались в пользу того, за кем в тот момент стояла власть; в первой половине XIX века власть по разным причинам, которые мы подробно рассмотрим в исследовании, поддержала православное меньшинство, и за короткий период оно стало большинством.

Постсоветские исследования отличает резкая поляризация оценок воссоединения униатов. По мнению части историков, ликвидация унии сделала невозможным свободное самоопределение белорусов, отлучила их от семьи западных славян и тем

самым лишила возможности развиваться в русле западноевропейской цивилизационной модели. Пророссийское направление, напротив, считает белорусов одной из этнографических групп русского народа и отмечает исключительно положительные моменты истории воссоединения.

Для начала проясним некоторые исторические моменты. Под унией (лат. unio — единение) подразумевается попытка найти компромиссное решение между православными и католиками, когда обе стороны идут на взаимные уступки: сохраняется восточный обряд, разрешено супружество белого духовенства, а также признаются положения западной догматики и экклесиологии, в том числе, власть папы. История христианства знает несколько попыток уний, некоторые из них привели к созданию новых церквей, продолжающих существовать в настоящее время. Речь идет, прежде всего, о Брест-Литовской унии 1596 года, когда на территориях современных Польши, Западной Украины, Белоруссии, Литвы была создана так называемая греко-католическая церковь.

Задачей унии считали достижение религиозного согласия, конфессионального мира. А мир был необходим, поскольку интересы христиан различных исповеданий пересекались очень тесно: вследствие геополитической обстановки, и вследствие заключения межконфессиональных браков. В объединении также были особенно заинтересованы католики; уния вписывалась в стратегию Контрреформации. Для католической церкви (в особенности ее польской части) было характерно устойчивое убеждение, что «русские» (восточные славяне) в отличие от греков вступили в «схизму» не по каким-либо собственным убеждениям, но, подчиняясь авторитету Константинопольской Патриархии, и следуют «заблуждениям» греков лишь по привычке, поэтому их можно легко привести к единству с Римской Церковью. Предложения с подробным перечислением выгод, которые может принести «русской» Церкви и «русскому» обществу такое соединение, были изложены в опубликованном в 1577 г. соч. иезуита П. Скарги «О единстве Церкви Божией под единым пастырем» [2, С. 238–242].

С мечтой об унии связывали идею церковной и государственной независимости Великого Княжества Литовского. Защищая свой суверенитет, Литва противостояла посягательствам Польши и России. В этой ситуации ставка делалась не только на военную силу, но и на дипломатию, религиозно-церковную политику. Представлялось, что проблеме противостояния, давления как с Запада, так и с Востока возможно решить путем церковного компромисса, религиозного примирения между православной и католической церквями.

Заключение Брестской унии и ее последующая экспансия вызвало протесты крестьян, казаков, мещан, части православной шляхты, низшего духовенства, а первоначально — и некоторых крупных украинских землевладельцев. Уния, задуманная изначально как способ примирения, установления единодушия, стала причиной многочисленных конфликтов между христианами разных исповеданий и породила в обществе раскол между сторонниками и противниками унии. К последним в то время относилось большинство священников и прихожан. Ситуация осложнялась тем, что с самого начала уния осуществлялась при поддержке светских властей, защищав-

ших инициаторов унии. Вмешательство государственной власти привело к тому, что религиозный конфликт стал приобретать характер политического столкновения между государством и православным населением Речи Посполитой, которое воспринимало действия власти как посягательство на традиционное право свободно исповедовать свою религию. Развернулась долгая и по временам кровавая борьба между христианами двух церквей. Она тянулась много веков и тянется до сих пор [3, С. 5].

Во время царствования Елизаветы Петровны, а затем Екатерины II на украинских и белорусских территориях начался процесс укрепления православия. Согласно исследованию Кояловича, целенаправленное движение на воссоединение с православием началось с южных областей Западной Украины. При колонизации этих земель среди прочих льгот было разрешение исповедовать православие, поэтому униатов там было меньшинство. «Униатские власти, пораженные быстрым распространением православия, решили собрать свои силы и противодействовать ему», что способствовало нарастанию напряженности между различными слоями общества [5, С. 30]. Насильственные действия униатов вызвали ответную реакцию православных. Так было положено начало гайдамаччине, еще одной кровавой страницей в истории славян. Гайдамаки, объявившие себя защитниками православия, массово убивали поляков, евреев, униатов, тем самым дискредитировав православную церковь. Были уничтожены возможности для мирного сосуществования христиан различных конфессий. Польские власти в свою очередь под предлогом усмирения гайдамацкого бунта получили право бороться со всеми попытками перехода в православие [5, С. 105].

В результате разделов территории Польши в конце XVIII в. земли современной Белоруссии отошли под власть России. Новый этап в формировании национального самосознания белорусов был связан с разделами Речи Посполитой (1773, 1792, 1795) и присоединением белорусских земель к Российской империи. Русский царизм, так же как и правительство Речи Посполитой в предыдущий период, начал проводить политику национального, культурного, языкового и религиозного гнета белорусского народа, пытаясь доказать его несостоятельность как самостоятельного этноса. В частности, процессы русификации привели к крайне неблагоприятным условиям для развития собственного языка белорусского народа, поскольку основные функции государственного выполнял в это время русский язык.

В конце XVIII века в результате присоединения Беларуси к Российской империи этническая территория белорусов была разделена на два генерал-губернаторства: Белорусское, в составе Витебской и Могилевской губерний, и Литовское, которое состояло из Минской, Гродненской, Виленской губерний. Границы губерний были установлены без учета этнической принадлежности белорусов. Так создались геополитические условия для воссоединения униатов с православием.

Состояние униатов накануне воссоединения кратко, но всесторонне характеризует составленная по заданию директора департамента духовных дел Карташевского «Первая записка Иосифа Семашки о бедственном состоянии Униатской Церкви и о средствах вывести из отчуждения от России полтора миллиона Русского народа» (1827 г.). Вначале Иосиф кратко изложил историю унии. Далее он излагал все обстоятельства, связанные с положением униатов в обществе, образованием, внут-

рицерковной ситуацией, отношениям к ним римо-католических священников. По его наблюдению, распространению влияния Рима способствовала стратификация украинско-белорусского общества. Задача католиков по обращению в свою веру облегчалась тем, что они занимали большинство государственных постов от мелких чиновников до предводителей дворянства, владели землями, крестьянами, были ктиторами униатских храмов. Чиновники и помещики были равнодушны к вопросам религии, но «они всячески поддерживали католицизм, потому что видели в нем опору своих сепаративных польских стремлений, и защищали от православных унию, так как считали ее переходною к католицизму формою и выгодною для себя силой, на которой держалась их полная власть над темным крестьянским людом» [9, С.7]. У низших слоев общества создался стереотип восприятия католической веры: ее исповедовали власть имущие, значит это вера высшая, господская, а православная — низшая, холопская. Продвижение по карьерной лестнице зависело от вероисповедания, поэтому многие принимали католичество ради чина.

Униатами оставалось все сельское население, бывшее прежде православным, по крепостному праву подчиненное помещикам-полякам или ополченным русским и еще меньшая часть небогатых дворян. Название «греко-униты» было книжное и официальное, незнакомое народу, без согласия которого возникла уния, а как богослужение оставлено было греко-русское, то народ не переставал называть свою веру русской, в противоположность вере римо-католической, которую называл польскую или католическою [1, С. 37].

В распределении мест на приходах, материальном обеспечении униатские священники зависели от католических властей. Уровень жизни униатских приходских священников балансировал на грани нищеты. Многочисленное униатское духовенство, за исключением монахов, было женатым, и эта привилегия униатов была причиною, почему не все униаты перешли в католичество. Законный с точки зрения православия бак священника, в глазах католиков был поводом для оскорблений детей лиц духовного сословия. Потому священнические дети, как свидетельствовал еп. Антоний Зубко, «скрывали свое происхождение и переходили в католичество» [1, С. 37].

Протопресвитер Георгий Шавельский с горечью писал: «Трудно ответить на вопрос: какое бремя сильнее давило Белорусскую униатскую церковь — нужда ли, происходившая от скудности основных средств существования и сильно угнетавшая духовенство, или те, часто обильные, крохи, которые на долю последнего падали от стола сытых римско-католических ксендзов и богачей — польских помещиков. Бедность, почти нищета, в которой влачила свое существование большая часть белорусского униатского духовенства, положила на него печать какой-то пришибленности, забитости; материальная же зависимость от панов и католических ксендзов сделала еще большее: она лишила униатское духовенство всякой активности, инициативы, более того — свободы во всем, что касалось веры, сделав его покорным, слепым орудием в руках его далеко не бескорыстных благодетелей» [9, С. 36].

Униатский епископ Иосиф в донесениях Синоду сообщал о том, что католики — ревностные патриоты Польши, и это отдаляет их от нынешнего их отечества — России. Католики, не зная ни русских, ни русской истории, отзываются о них

с презрением, считают русских варварами. Римское духовенство рассматривает православных как еретиков и схизматиков, поэтому активно занимается прозелитизмом среди них. О неуважительном отношении католиков к православным свидетельствовал сослуживец Иосифа еп. Василий (Лужинский): «Борода и ряса были в величайшем презрении в том краю; и православных священников вообще называли жидом смердячим, козлом и кацапом бородастым и пугалом» [6, С. 89].

В 1830–33 гг. прокатилась волна антироссийских польских выступлений. Показательно мнение епископа Антония Зубко о предполагаемых причинах восстания. Многие поляки говорили, что они были противниками революции, но защищали право исповедовать свою религию, желали освободить от гнета свою народность. Однако в действительности, отмечал Зубко, никто не запрещал им исповедовать католичество, развивать этническую культуру и говорить по-польски. «Не народность, угнетаемая будто бы русскими, возбуждает поляков к мятежу, а несбыточный идеал небывалой Польши. Настоящим творцом этой опьяняющей фантазии был римский католицизм, разжигавший воображение и противящийся не только развитию исторической критики, но и познанию явлений духовных и материальных в их действительности», — полагал еп. Антоний. Статс-секретарь Блудов связал протестные настроения с вероисповеданием. «Народные массы, — писал он государю, — без сомнения нигде не желали бунта: но в тех местах западных губерний, где господствует римско-католическая вера и литовское или жмудское наречие, крестьяне иногда увлекались своими ксендзами или помещиками и, следуя им по слепоте или невежеству, шли на бунт, как на панцину. Напротив там, где население составлено большею частью из православных, ход мятежа был останавливаем самими крестьянами» [8, С. 7]. Следовательно, уменьшение влияния католичества, а с ним и пропольских идей, после польских восстаний 30-х годов, стало главной целью русского правительства. Первым этапом при достижении этой цели была ликвидация униатской церкви, ставшей агентом католичества на белорусско-литовских землях.

При Николае I начались реформы в сторону медленного сближения униатов с православием. Церковные деятели выступали против радикального уничтожения униатской церкви. Граф М. Н. Муравьев, активный участник подавления польского восстания 1830–31 гг., был сторонником другого мнения. Он рекомендовал произвести ликвидацию унии как можно скорее, чтобы не дать время католикам предпринять ответные действия. М. Н. Муравьев писал, что всякие попытки католического духовенства обратить униатов к себе нужно строжайше пресекать. Создается впечатление, что Муравьева скорее беспокоил вопрос лояльности и национальной идентичности, нежели конфессиональной принадлежности. На примере истории унии мы видим сращение понятий православный и русский. Обращение к другому исповеданию означало смену национальности. Католичество «обязывало» быть поляком. Поворот униатов в сторону православия, восстановление церковного единства означали восстановление русской национальной идентичности, единства русского народа. Решительный шаг, которой навсегда бы прекратил существование унии, должно, по мнению Муравьева, сделать правительство. Нужно использовать

средства из казны. Граф, как чиновник высшего уровня, прекрасно понимал, о чем говорил. Без содействия гражданского начальства епископ справиться не мог. Поэтому Муравьев предлагал ввести всеобщий план, учитывающий как церковные, так и административные ресурсы.

Сторонники воссоединения указывали униатам, что изменения, происшедшие в их церкви, противоречат правилам и договоренностям, подписанным при заключении унии. Православие, русский язык, культура и государственность были исконными в западных епархиях, — доказывали воссоединители. Польское и католическое владычество пришли в эти земли позднее, их претензии на господство незаконны. Постепенно иереям внушали мысль о необходимости обращения к православию. В качестве формального подтверждения согласия брали расписку. Переход в православие не всегда был добровольным и искренним. По мнению прот. Георгия Шавельского, подписки давали иногда из страха или корысти. Недовольных понижали в должностях, отстраняли от приходов, но случаев открытого сопротивления было не много. «Сама выдача подписок показывала, что многих можно заставить стать хотя бы по имени православными» [9, С. 85].

Программа по ликвидации унии включала в себя: отказ от смешанной обрядности, закрытие ряда монастырей, повышение материального уровня духовенства, повышение уровня образования. Главным условием воссоединения было добровольное согласие большинства униатских священников, а само воссоединения выглядело как возвращение к изначально существовавшей общности православия и унии. Восточный богослужебный обряд и согласие с догматами Православной Церкви возрождали утраченное единство с Русской Церковью.

На Полоцком соборе в феврале 1839 года было принято соборное решение о возвращении белорусской униатской церкви в лоно православия. Откровенно упорствующие священники (в основном, монахи) были высланы в монастыри центральной России. Подобная расправа произвела «благоприятное» впечатление на остальных униатов. Для закрепления эффекта в Витебск прислали казаков [9, С. 317, 318].

25 марта 1839 года Николай I утвердил постановление Синода о принятии греко-униатской церкви в полное и совершенное общение с православной церковью [8, С. 52].

Период, наступивший после провозглашения воссоединения, был, возможно, сложнее, чем время подготовительной работы. Постановление Синода о воссоединении сопровождалось запретом на его публичное провозглашение. Запрещение официальных торжеств было связано с тем, что у «простолюдина могла возникнуть мысль, что раньше он не был православным, а теперь стал» [8, С. 54]. Торжественные служения были совершены спустя месяцы после Полоцкого собора, летом 1839 года во время поездок по белорусским епархиям Киевского митрополита Филарета и архиепископа Иосифа. Публичное объявление о воссоединении было сделано тогда же; из формулярных списков была изъята строфа вероисповедание «греко-униатское», заменена на «православное». На службах прекратили поминать папу, а из Символа веры исключили добавление «филиокве».

Вопреки опасениям властей, огласка не сопровождалась волнениями. Прихожане спокойно приняли сообщение о воссоединении. Конечно, до полного воссоединения было еще далеко. По образному выражению православного историка Шавельского, стена была разрушена, но перегородки остались. В частности, потенциально конфликтными стали отношения между православными — бывшими униатами и православными от рождения. Споры возникали по поводу имущества, совершения треб и т.п. Вставали также вопросы о границах епархий, о власти архиереев, о снабжении причта. По-видимому, в католических храмах продолжали совершать службы как для тех, кто перешел в католичество из униатства, так и для тех униатов, которые тайно ли явно противились воссоединению. Об этом может косвенно свидетельствовать тот факт, что во время волнений 60-х гг. XIX в. при обысках костелов обнаруживали униатские облачения и предметы утвари. Приверженность унии сохранялась, и при первой возможности, а она представлялась только через сто без малого лет (после революции 1917 г.), униаты восстановили свою церковную организацию.

Ликвидация унии вызвала долгосрочные изменения во всех сферах жизни Белоруссии. События 1839 года называют по-разному — «воссоединение униатов с православными» либо «ликвидация унии». Как видно из названий, за каждым стоит определенная точка зрения на происшедшее. Первое наименование принадлежит православным авторам, считающим, что власть России над Белоруссией имела положительное значение. «Воссоединение значит то, что издавна единое, а потом разорванное, опять соединилось», — такое краткое, но емкое определение предложил сторонник этой позиции прот. Иоанн Наумович (1889 г.) По его мнению, уния была навязана, причем «не добровольно, не по убеждению, приняли унию только те, которых одолевали насилем» [6, С. 111].

Ликвидацией называют решения Полоцкого собора те историки, которые полагают, что уния была самобытным явлением, давление поляков и католиков над униатами сводилась к минимуму, а Россия сыграла роль захватчика-колонизатора. Папа римский, современник объединения 1839 года, назвал это событие величайшим бедствием для католической церкви [9, С. 378].

Проведение воссоединения осложнялось тем, что к церковным вопросам всегда примешивались политические. Это в значительной мере определяло способы утверждения конфессии: проповедь и увещание нередко сопровождалось административно-репрессивными мерами. Как ответ на насильственное обращение возникали протестные движения. Но, если в случае Брест-Литовской унии борцы против нее выдвигались из среды народа, низшего духовенства, и выступления приобретали черты национально-освободительной борьбы против иноземных и иноверных властей, то в первой трети XIX века на территории нынешней Белоруссии российское правительство выступило против унии. Уважение к истине не позволит нам утверждать, что российские чиновники и духовные лица руководствовались исключительно церковными доводами. Как показывало наше краткое исследование, воссоединение 1839 года было вызвано в первую очередь опасением перед

усиливающимся влиянием поляков, поднявших незадолго до этого сепаратистское восстание. Главную роль в интенсификации процессов объединения сыграла угроза католической экспансии. Тенденции были таковы, что не вмешайся российское правительство, в дальнейшем униаты полностью бы слились с католичеством.

Как видно из краткого очерка Брест-Литовской унии, конфессиональная принадлежность определяла этническую дифференциацию; влияние религии было столь сильным, что определяло этническое самосознание, социальное положение, мировоззрение и даже геополитические предпочтения. Культурная и религиозная ориентация народов, заселявших территорию будущей Белоруссии, носила неоднозначный характер. Приоритетными считались римо-католические, польские культурные традиции, которые оказывали сильное влияние на белорусов, не имевших своего литературного языка. В отличие от элиты, основная часть населения не испытывала сильных польских симпатий. Традиционные исторические связи были сильнее с Россией и русской православной церковью. После польских восстаний тридцатых годов Российское правительство начало осуществлять меры, направленные на русификацию территорий. Задачей России была ликвидация религиозного, экономического и культурного превосходства польского католического меньшинства над униатским и православным крестьянским большинством. После воссоединения униатов начался процесс языковой дифференциации, выделения белорусского языка, обретения им самостоятельного статуса. Ликвидация унии и сопутствовавшее ей уменьшение польского доминирования стимулировало зарождение белорусских литературных традиций, повышение самооценки белорусской культуры, становление этнокультурной идентичности Белоруссии.

1. Антоний (Зубко), арх. О Греко-Унитской церкви в западном крае России. Воспоминания. СПб., 1889.
2. Брестская уния. / Православная энциклопедия. Том VI. М., 2003. С. 238–242.
3. Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003.
4. Иосиф (Семашко), архиеп. Записки. СПб., 1883. Т.1–3.
5. Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.). Мн., 1999.
6. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западнорусских униатов (сборник документов). СПб., 1889.
7. Филатова, Е. Н. Политика царского правительства на Беларуси (1772–1860 гг.): историография проблем. Мн., 2007.
8. Чистович И. А. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью западнорусских униатов: Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I. СПб., 1889.
9. Шавельский Г. прот. Последнее воссоединение с Православной Церковью униатов Белорусской епархии. СПб., 1910.